

УДК 141.78

Т.В. ЛИСОКОЛЕНКО

## ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Лисоколенко Татьяна Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социально-политических и правовых наук Славянского государственного педагогического университета

Проаналізовано сутність інтерпретативного підходу в розумінні мовних ігор, плюральність позицій у дослідженні мови як динамічної соціальної системи, особливості означення мовних ігор у філософії Л. Витгенштейна.  
**Ключові слова:** буття, гра, мова, філософія мови, мовні ігри, мовні конструкції.

Проанализирована суть интерпретативного подхода в понимании языковых игр, плюральность позиций в исследовании языка как динамической социальной системы, особенности означивания языковых игр в философии Л. Витгенштейна.

**Ключевые слова:** бытие, игра, язык, философия языка, языковые игры, языковые конструкции.

The interpretative approach point of language games understanding, the plurality of positions in the study of language as a dynamic social system, the signification features of language games in the philosophy of Ludwig Wittgenstein is analyzed in the article.

**Keywords:** being, game, language, philosophy of language, language games, language constructions.

© Т.В. Лисоколенко, 2012

**Постановка проблемы.** Сегодня теория языковых игр получила широкое распространение и в исследованиях по общей семантике, и в социальной психологии (в теории конфликтов), а также в рамках современного философского дискурса, где язык выступает основной фигурой анализа. В современной философии язык является тем компонентом, к которому можно относиться по-разному: либо осознавать и принимать его значимость в становлении социально-философских теорий, либо же наоборот – пренебрегать этим фактом. Невозможно, пожалуй, только одно – не учитывать его влияние на развитие современного философского знания.

Исходя из вышеизложенного, актуальность данной статьи обусловлена тем, что язык можно считать тем элементом, который, если не заменил само понятие социального опыта, то уравнился с ним. Исследования различных вариаций трактовки языка способствуют углубленному пониманию целостности сферы человеческого бытия, в контексте особенностей социальной взаимодействия.

**Цель исследования.** Изучение особенностей функционирования языковых игр в философии Л. Витгенштейна с позиции интерпретативного подхода.

**Анализ последних исследований и публикаций.** Поскольку категория «язык» является достаточно «разноликой», то для ее разностороннего анализа необходимо исследование, как лингвистической литературы, так и философской. Исходя из этого, источниками данной статьи послужили разноплановые исследования, среди которых можно выделить работы: Э. Бенвениста [1], Л. Витгенштейна [2], М. Макарова [4], В. Руднева [8], Ф. де Соссюра [9], Й. Хейзинги [10] и др. известных исследователей.

**Изложение основного материала исследования.** Само направление «философия языка» тесно связано с именем Людвиг Витгенштейна, внес-

шего свою, достаточно весомую, лепту в понимание языка именно как социального явления. Так, по мнению современного российского лингвиста и семиотика В. Руднева «одна из фундаментальных идей XX века, к созданию которой и Витгенштейн приложил руку, состоит в том, что не язык определяет реальность, а сама реальность определяется языком» [8, с. 32].

Хотя язык и выступает разноликой категорией анализа, имеющей свои особенности понимания и в лингвистике, и в семиотике, и в философии, и в других областях знания, в целом подходы к определению языка не являются радикально различными. Можно сказать, что общим для различных отраслей знания является его понимание как социально значимого феномена.

Так, известный швейцарский лингвист Ф. де Соссюр определяет язык как социальный феномен, существующий в головах определенной совокупности людей. «Язык – это клад, практикою речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это – грамматическая система, потенциально существующая в каждом мозгу, или лучше сказать, – в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе» [9, с. 19]. В подобном духе подходит к анализу языка и французский языковед Э. Бенвенист. Раскрывая антропоцентрический принцип лингвистики, выделяя «человека в языке» он дает следующее определение языка: «язык есть семиотическая система, основные точки которой соотнесены с говорящим индивидом» [1, с. 14]. И находится, таким образом, достаточно близко к позиции самого Л. Витгенштейна. Теперь, в целях сравнения, обратимся к философской литературе. В философском словаре дается следующее определение: «Язык – сложная развивающаяся семиотическая система, являющаяся специфическим и универсальным средством объективации содер-

жания как индивидуального сознания, так и культурной традиции, обеспечивая возможность его интерсубъективности» [6, с.1250]. Далее, опираясь на данный источник, необходимо обозначить, что сам язык – это исконная категория философского анализа, в рамках которой в различных дискурсах, существовали разнообразные подходы к ее интерпретации. Среди наиболее распространенных – исследования онтологического статуса языка, проблемы функционирования языка в культурном контексте, проблемы языкового формализма, проблемы означивания языковых игр в рамках постмодернистской философии.

Парадигмальность философии постмодерна по-новому артикулирует понимание языковой реальности. Что касается места в современной философии языка Л. Витгенштейна – «оно традиционно связывается с трактовкой значений в контекстуальных словоупотреблениях» [6, с. 1254]. Кроме вышеизложенного, необходимо отметить, что именно Л.Витгенштейн положил начало пониманию языка как игры: «Весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых овладевают родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми» «Языковой игрой» я буду называть единое целое: язык и действие, с которым он переплетен» [2, с.227]. Само употребление слов, как считает австрийский философ, нельзя подвести под некоторую черту, утверждая, правильным оно является или нет, так как мы живем в мире, в котором одновременно действует множество языковых игр, языковых конструкций. В связи с этим Л. Витгенштейн задается вопросом, как возможно отделить понятие игры от других социально-языковых конструктов, что еще является игрой, а что уже перестает ею быть? И отвечает: «Мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены» [2, с.268], иначе языковые игры просто не существовали бы.

В целом, в постмодернизме языковыми играми принято считать те, которые «являются наиболее существенной формой презентации языка как в процессе овладения им, так и в процессе ставшей языковой динамики» [7, с.1023]. В современном общественно-гуманитарном знании языковые игры рассматриваются как «социальная реальность», обеспечивающая социальный порядок и социальное взаимодействие. Также любопытным является определение понятия игры, как «разновидности физической и интеллектуальной деятельности, предоставляющей индивиду возможность самореализации, выходящей за рамки его социальных ролей» [7, с.293]. Именно такие игры позволяют рассматривать речевую реальность как социальную в игровой плоскости, очерчивая речевые возможности социокультурного опыта субъекта. Игра, таким образом, выступает как способ переживания реальности, проявляющий себя посредством множества нарративных практик.

Говоря о языковых играх необходимо указать на разность позиций в их понимании. Бинарность подходов демонстрирует М. Макаров в работе «Основы теории дискурса», выделяя позитивист-

ский и интерпретативный подходы, суть различия которых заключается в следующем. Позитивистский анализ языковых игр отстраняет исследователя, делая его зрителем, наблюдателем, желающим постичь абсолютную истину, «при этом он исходит из представления социального мира как единообразной упорядоченной системы» [4, с.48]. Интерпретативный подход, в свою очередь, базируется на анализе, где наблюдающий сам выступает в роли участника всех социальных процессов, его научное познание движимо «внутренним человеческим интересом» [4, с.48].

Этот подход предусматривает, прежде всего, согласно М.Макарову, три основные позиции: плюрализм социального бытия, цель познания – это любопытство, знание – принадлежит участникам социальной действительности. Конечно, самого Л. Витгенштейна (в поздний период творчества) следует отнести к приверженцам интерпретативного подхода. В чем суть его позиции? Прежде всего, остановимся на плюральности социального бытия, именно в том, как эта позиция репрезентирована у Л. Витгенштейна. Он говорит о том, что, устанавливая определенные правила игры, ее технику, мы можем столкнуться с тем, что не все играют по нашим правилам, что не все идет так, как мы задумали. Особенно часто это происходит в области философии, где нельзя с точностью говорить о том, что говорящий, оперирующий некими понятиями данного языка, играет с присутствующими по понятным им правилам. И эта мысль не кажется лишенной смысла, в свете полифонии философских концепций, где одни понятия для одной школы являются базисными, а представители другого направления лишь отчасти принимают данное концептуальное ядро идеи, находя при этом свои собственные вариации, способы использования или, если хотите, правила игры с ними. Здесь хотелось бы обратить внимание на особенности поливариантности современных философских концептов, набирающих свою популярность в силу распространения идей социальной синергетики. Говоря же о разнообразных социальных позициях субъектов, Л. Витгенштейн обозначает свою: «Гражданское положение противоречия, или его положение в гражданском обществе, – вот философская проблема. Наши ясные и простые языковые игры не являются подготовительными исследованиями для будущей регламентации языка, скорее эти языковые игры выступают как некие модели, которые призваны пролить свет на возможности нашего языка» [2, с. 291-292].

Именно, исходя из плюральности социального бытия, Л. Витгенштейн говорит о том, что языковые игры образуют своеобразную семью, включающую в себя сложную систему взаимоотношений, которые во многом накладываются друг на друга, имеют множество сходств. Л. Витгенштейн не доводит до логического завершения сходство языковых игр, оставляя не решенной проблему отыскания единого фундамента для них, а лишь акцентирует внимание на феноменологическом сходстве. Ставя знак равенства между значением и употреблением, он акцентирует внимание на том,

что язык – это не статическая система, а динамическая, в которой само означаемое живет лишь в употреблении, в перформативе.

Далее М.Макаров выделяет второй элемент интерпретативного подхода: цель познания – любопытство. Само любопытство в «Философских исследованиях» можно представить в духе М.Мамардашвили: «Власть языка, имеющая началом внутренний принцип, вещь наиболее важная – именно она направляет усилия и борьбу людей» [5, с. 30].

Это усилие-любопытство определяет способ (технику), средства человеческого взаимодействия и способ существования элитарной культуры конкретного общества. Сравнивая язык со старинным городом, Л. Витгенштейн, по мнению В.Руднева, рассматривает периоды становления человеческой культуры, где тесно соседствует и архаическое, и ультрамодное, аристократическое и самое банальное. Как и в языке, так и в культуре наличествует специфический аппарат символов, позволяющих идентифицировать данное общество. Эта эклектика представляется в нашей речи, что дает возможность говорить о языке, как и о культуре, так и о мире в целом. В энциклопедии постмодерна говорится о том, что «любая инновация в культуре первоначально возникает как своеобразная игра смыслами и значениями, как нетривиальное осмысление наличного культурного материала и попытка выявить варианты его дальнейшей эволюции» [7, с.293]. В подобном роде рассуждает и исследователь игры как источника культуры Й.Хейзинга: «подлинная культура не может существовать без определенного языкового содержания, подлинная культура требует всегда и в любом аспекте а *fair play* (четкой игры)» [10, с.238].

Анализируя все возможные вариации существования игры в обществе, он затрагивает идею языковых игр, считая, прежде всего, что язык: «Самый первый и самый высший инструмент, созданный человеком для того, чтобы сообщать, учить, повелевать» [10, с.14]. В целом же, по мыслям нидерландского философа, существование в культуре игр становится возможным благодаря их наличию в социуме. Языковые игры, таким образом, можно наделить неким онтологическим статусом существования.

Кроме этого, разве сам процесс игры не увлекает играющих? Л.Витгенштейн считает, что играть могут и будут лишь любопытные люди. Другой вопрос уже касается того, как они будут играть? Здесь имеется в виду, прежде всего, личное право человека на выбор, как игры, так и ее правил – субъект не ограничен этим правом из внешней среды, но с другой стороны – существует требование: соблюдение интерпретируемости в данном месте и в данный час, что заложено в самой основе конституирующей игру языка. Порой именно совместное поведение людей в определенной социальной ситуации позволяет нам правильно понять (именно здесь и сейчас) суть сказанного. Мы понимаем, что нас правильно поняли исходя из реакции на наши слова. Отсюда возникает феномен человеческого ожидания, реакции на сказанное и

заключение – «ожидание и исполнение соприкасаются в языке» [2, с.407]. Деятельность, поступки, позитивные или негативные, выступают социально обусловленными определенной средой, коллективом, референтной группой и другими факторами. В частности, у Л.Витгенштейна это ярко представлено на примере того, как взрослые люди учат детей реагировать на падения и ушибы. Он говорит, что мы сами обучаем ребенка новому «болевому поведению», тем самым включаем, встраиваем его в общепринятые рамки данного социума, заставляя его «играть» по определенным, придуманным людьми правилам. Наличие самих правил в языке раскрывает практическую сущность языка, которая связана с культурным и социальным контекстом. Л. Витгенштейн утверждает, что обучение определенному языку является «натаскиванием» на правильное употребление слов, речевых оборотов во всех жизненных ситуациях.

Интересным является подход к языку как к «инструменту» и к словам, как «условным знакам». «Каждый знак, взятый сам по себе, кажется мертвым. Что придает ему жизнь? Он живет в употреблении» [2, с.403]. Л.Витгенштейн считал, что каждый человек, живущий в социуме, в зависимости от исполняемых им социальных ролей, приучен особым образом реагировать на определенный знак. Это своего рода определенная техника понимания языка, т.е. понимающий язык, владеет определенной техникой. Но как же тогда быть с незнакомым нам языком? Согласно Л. Витгенштейну, тут на помощь приходит общая реакция, совместное поведение людей т.к. в основе понимания незнакомого языка лежит не грамматическая конструкция или логическая система, а, прежде всего, реакция окружающих на сказанное, их поведение. «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [2, с.338].

И относительно того, что знания принадлежат участникам социальной действительности. Саму языковую игру, по Л.Витгенштейну, необходимо принимать как своего рода данность, на которую мы хоть и можем влиять, но полностью изменить не можем, так как это единое целое и есть наша жизнь. А язык, в связи с этим, представляет собой собственную форму жизни: «представить же себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни» [2, с.232].

Отказываясь от пассивного статуса языка, Л.Витгенштейн возводит понятие формы жизни к понятию коллективной философии, которая включает в себя все языковые игры и всевозможные социальные практики определенного общества. Участникам социальной действительности принадлежит право легитимации и интерпретации всего знания, где последнее можно рассматривать как «знание-власть». Особенно если говорить о членах конкретных социальных институтов в обществе, которые занимаются вопросами трансляции «нормальной науки», определяя тем самым то, что изучают субъекты, что читают и даже, о чем говорят. Конечно, каждый человек вправе самостоятельно решать для себя вопросы относительно получаемого

го знания и информации, но так бывает не всегда. Известный философ Ж.-Ф. Лиотар, задаваясь вопросом: как происходит легитимация в постсовременную эпоху? И отвечает - через различные операции с языком, игры с ним в культуре, которые теперь, после многочисленных «языковых» трансформаций, наблюдаются в литературе и науке. В работе «Состояние постмодерна» автор высказывает мысль о том, что сама легитимация научного знания происходит через различные типы языковых игр: «В современном обществе языковые игры реализуются в форме институтов» [3, с.66]. И далее Ж.Лиотар пишет, что «языковая игра легитимации – не государственно-политическая, а философская игра» [3, с.83]. Выдвигая на страницах своей книги положение о том, что эпоха метанарративного механизма легитимации знания уже прошла, Ж. Лиотар утверждает, вслед за Л. Витгенштейном, наличие множества различных языковых игр, существование которых обусловлено тем, что они представляют собой один из основных элементов, делающих возможным общественное взаимодействие.

Проводя далее эту линию, необходимо остановиться на подходе Ж.Лиотара к нарративной форме самого знания, которая «допускает внутри себя множественность языковых игр» [3, с.55]. Исходя из чего, можно говорить, что Ж. Лиотар, в духе постмодернизма, восходил к пониманию самого рассказа как обретаемого смысла в самом процессе наррации. Именно с нереализованностью этого подхода Ж.Лиотар и связывал кризис философии, пытавшейся проводить линию полной легитимации знания, что, попросту невозможно, т.к. «мы оказываемся в области террора, где соци-

альная связь разрушается» [3, с.100]. В этой связи Ж.Лиотар одобряет подход Л.Витгенштейна, отказавшегося от позитивистского подхода интерпретации действительности.

**Выводы.** На основе проведенного анализа особенностей функционирования языковых игр в философии Л.Витгенштейна можно сделать следующий вывод. Интерпретативный подход к изучению языковых игр приводит к обогащению социальных функций языка как семиотической системы. Многовекторность, с которой Л. Витгенштейн подходит к рассмотрению языковых игр, раскрывает плюральность понимания социального бытия и феномена языка. Языковая игра поставлена как: транслятор человеческого опыта; модель нашего языка; способ переживания реальности; элемент конкретной культуры, опредмечивая ее; идентификатор членов определенного общества. Кроме этого, Л. Витгенштейн активно развивает положение о языке как динамической системе, в которой значение существует в употреблении, а сам процесс социального взаимодействия осуществляется по правилам определенных языковых игр. Следует отметить, что вышеперечисленные положения о сущности языковых игр вовсе не исчерпывают многоаспектность их интерпретаций. Л. Витгенштейн, введя в употребление понятие языковых игр, «поднял» громадный пласт вопросов, интересующих тех, кто работает в рамках современного социально-философского дискурса. Так, например, актуальным остается исследование языковых игр в конкретных социальных (стратификационных) группах, определяющих суть языковых практик для большинства членов нашего общества, через легитимацию знания.

## ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [пер. с фр. Ю. Степанова] – М.: УРСС, 2002. – 448с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С.220-546.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; [пер. с фр.Н.А. Шматко] – М.; СПб.: Алетейя 1998. – 160с.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280с.
5. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288с.
6. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
7. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
8. Руднев В.П. Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни) / В.П.Руднев. – М.: ЛИБРИКОМ, 2011. – 232 с.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр; [пер. с фр. А.Сухотина] – М.: Логос, 1998. – 296с.
10. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; [пер. с нидерл. Г. Тавризян] – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – С. 7-240.